

«ЖИЗНЬ — БЕЗ НАЧАЛА И КОНЦА...»: ПРОБЛЕМА «АВТОРСКОЙ ВОЛИ» И ПРАКТИКА АКАДЕМИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ ЛИРИКИ А. БЛОКА

Академическое издание любого классика, тем более новаторское по сути текстологическое освоение наследия писателя-символиста, — неизбежно длительное научное предприятие, и надеяться тут на быстрый результат не приходится.¹

Немногочисленные критические реплики, прозвучавшие после выхода в свет первых пяти томов Полного собрания сочинений и писем А. А. Блока,² касаются в основном частных моментов и не затрагивают сложных спорных проблем блоковского издания. О них в сопутствующих изданию сборниках и трудах рассуждают по ходу его подготовки сами участники процесса.³ Предлагаемая статья тоже не итог, а скорее «взгляд изнутри», размышления одного из составителей на полях опубликованных и находящихся в стадии завершения томов лирики А. А. Блока. По поднятым в ней темам автору уже приходилось высказываться как в печати,⁴ так и на международных науч-

¹ См., в частности, высказывание А. В. Лаврова о фундаментальных академических изданиях: *Лавров А. «Серебряный Век» и/или «пантеон современной пошлости» // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 244.* Помимо трудоемкости исследовательских работ, на выпуск академических изданий влияют разные внешние обстоятельства. К примеру, первый том Полного собрания сочинений и писем А. А. Блока по не зависящим от составителей и не объясненным им причинам был изъят в 1985 году из набора и начало печатания готовых томов оказалось отложено более чем на десятилетие.

² *Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 1—3; М., СПб., 1999. Т. 4: Стихотворения, не вошедшие в основное собрание (1897—1915); М., 1999. Т. 5.* Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

³ См., например: *Быстров В. Н.* К вопросу об основном тексте первого тома «лирической трилогии» Блока // *Русский модернизм. Проблемы текстологии: Сб. статей. СПб., 2001. С. 60—72; Грыкалова Н. Ю.* Символистский текст: модусы интерпретации (Из опыта работы над академическим Полным собранием сочинений и писем Александра Блока) // *Проблемы текстологии и эдизонной практики: Опыт французских и российских исследователей. М., 2003. С. 112—128; Кузнецова О. А.* Понятие «однострунность — многострунность» у Блока (к вопросу о формировании лирической «трилогии») // *Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 69—78.*

⁴ См.: *Лощинская Н. В.* 1) Вступительная заметка к разделу «Комментарии» (Т. 4. С. 378—394); 2) [О трудностях академического издания поэзии модернистов] *Международная научная конференция «Евгений Замятин и культура XX века» // Russian studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 2000. Т. III. № 3. С. 450—452;* 3) О своеобразии текстологической проблематики академического издания лирики А. А. Блока (к постановке вопроса) // *Русский модернизм. Проблемы текстологии. С. 73—91.* В издательских портфелях находятся еще две работы текстологического характера: *Лощинская Н. В.* 1) «Ты так светла, как снег невинный...» Об одном черновом автографе А. А. Блока // *Александр Блок. Исследования и материалы. Вып. 4;* 2) *Формирование корпуса незаконченных стихотворных текстов в составе академического издания ПССиП А. А. Блока // Статус незавершенного в художественной практике и культуре XX века: Материалы международного научного семинара, проходившего в Институте русской литературы РАН 15—17 мая 2006 г.*

ных конференциях, в рамках «круглых столов», на текстологических семинарах. Их актуальность обусловлена в первую очередь насущными эдиционными задачами, стоящими перед исследователями при подготовке современных научных изданий стихотворных текстов писателей-модернистов (Ф. Сологуба, М. Волошина, А. Белого, М. Цветаевой и других поэтов Серебряного века). В частности, обозначенная в заглавии проблема соответствия публикуемых текстов авторской воле, достаточно прихотливой у Блока, как и у большинства символистов, сопряжена с необходимостью целостного осмысления блоковского лирического наследия в составе академического издания. Трудность такой задачи побуждает еще раз обратиться к рассмотрению причин неоднозначности принимаемых в издании решений.

Тезис об органическом единстве всей лирики Блока часто повторяется исследователями и издателями его творчества.⁵ Сравниться с ним по востребованности может лишь идея приоритетности «трилогии вочеловечения» — составленного самим поэтом трехтомного собрания стихотворений со своим внутренним сюжетом и единой композицией. Именно эта трилогия, которая создавалась в течение двух десятилетий, видоизменяясь от одной редакции к другой по мере развития общего замысла, обычно воспринимается как основной результат творческих усилий поэта. В последнее время в блоковедении все чаще раздаются также голоса в поддержку важности отдельных литературных «жестов» (термин Н. В. Котрелева), проявившихся публикацией поэтических циклов, сборников, книг. Они тоже признаются самодостаточными как выражение определенных этапов художественных исканий Блока.

Все эти ракурсы восприятия нельзя не учитывать при изучении его лирического наследия. Но если в иных изданиях можно в известной мере применять и чередовать разные подходы, то в Академическом полном собрании сочинений необходимо соблюдать строгую иерархию при группировке текстов и расположении их по томам. Основу такой систематики составляет степень выраженности авторской воли.

С этой точки зрения рассыпать в хронологическом построении (традиционном для академических изданий) тексты «лирической трилогии», являющей собой художественное целое, некий «роман в стихах», — значит не только разрушить уникальное жанровое образование, но и не соблюсти волю автора. А она в отношении этого, неделимого в рамках последней редакции, круга стихотворений, или, на языке Блока, «круга чувств и мыслей» (Т. 1. С. 179), была достаточно определенной. Поэтому, несмотря на некоторые несообразности и неясности в оформлении окончательной редакции трилогии, именно она была положена во главу угла при распределении текстов в Академическом собрании сочинений.

При таком подходе первые три тома Академического собрания сочинений воспроизводят трилогию, четвертый том вобрал в себя стихотворные тексты, не включенные Блоком в так называемое «основное собрание». В пятый — как следует из вступительной заметки к нему — вошли «поэтические произведения, над которыми поэт работал в 1917 г. и далее

⁵ Благодаря такому единству поэтическое наследие Блока представляет нескончаемый диалог — с самим собой, адресатами стихотворений, миром. «Органическая цельность» всех блоковских стихотворений была отмечена К. И. Чуковским в его книге «Александр Блок как человек и поэт» (Пг., 1924. С. 26—66). Это свойство поэзии Блока в разных аспектах исследовалось в целом ряде работ, в частности, в плане поэтики, — в книге Н. А. Кожевниковой «Словоупотребление в русской поэзии начала XX века» (М., 1986. С. 142—252). Там же (с. 142—143) дается отсылка к работам на эту тему В. М. Жирмунского, Д. Е. Максимова, Л. Я. Гинзбург, З. Г. Минц.

по 1921 г.» (Т. 5. С. 295), в том числе наброски, переписанные Блоком в дневник⁶ из более ранних записных книжек. Основная же масса незаконченных стихотворений и набросков после некоторых подвижек внутри издания оказалась отнесена в одиннадцатый том, составив его первый раздел.

Каждая из названных структурных частей блоковского лирического наследия, отличаясь по характеру и выраженности авторской воли, имеет и свою особую текстологическую проблематику.

В отношении первых трех томов, составляющих «лирическую трилогию», самой серьезной проблемой остается невозможность достоверно уяснить меру участия Блока в подготовке четвертой редакции трилогии, выпущенной уже после его смерти издательством «Алконост».⁷

В. Н. Орлов настаивал на «каноничности» сводной редакции трилогии, признавая «не подлежащими нарушению»⁸ последние прижизненные издания каждого из составляющего ее томов: пятое издание для первого тома, четвертое — для второго, третье — для третьего.⁹ Однако сам, публикуя стихотворения Блока, вносил поправки в тексты указанных изданий, нередко прибегая к контаминации разновременных слоев рукописных и печатных источников. Размещение стихотворений со спусками или без них, характер датировок, введение и расположение топографических помет, другие детали оформления текста — все это оставалось на усмотрение редактора, допускались вмешательства в авторский замысел без серьезных текстологических мотивировок. Отсюда возникал разнобой в чтении отдельных стихов, произвольно варьировались пунктуация, строфика, оформление датировок (в том числе их наличие или отсутствие, степень конкретизации даты) и другие важные для поэта особенности текста, в какой-то мере предопределявшие восприятие трилогии в целом. В. Н. Орлов, как, впрочем, и другие издатели Блока, в таких вмешательствах в авторский текст никакой несообразности не видел, полагая, что о первых трех томах в текстологическом плане «по существу говорить нечего».¹⁰

Впервые недоумение по поводу соединения «в „каноне” томов из разных изданий» было высказано в печати К. М. Азадовским и Н. В. Котрелевым в 1989 году.¹¹ Составители академического издания на практике столкнулись с этой проблемой в самом начале 1980-х. Оказалось, что оптимальное решение найти очень сложно. Приходилось идти на компромисс в отношении либо авторизованности и точности текста отдельных стихотворений, либо единства творческого замысла, предполагающего соблюдение всех особенностей авторского оформления.

Отмеченный названными исследователями факт, что «третьей полной редакции, подготовленной для издательства „Земля” по договору 1918 г.,

⁶ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 318; хронологические рамки этого дневника: «15.VIII.1917—13.VII.1919».

⁷ Блок А. 1) Собрание сочинений. Пб., 1922. Т. 1—2; 2) Собрание сочинений. Берлин, 1923. Т. 1—3. О перипетиях этого издания упоминается, в частности, в письмах С. М. Алянского из Берлина к Л. Д. Блок. См.: *Лощинская Н. В.* О своеобразии текстологической проблематики академического издания лирики А. А. Блока (к постановке вопроса). С. 86—87.

⁸ Орлов Вл. Литературное наследие Александра Блока // Лит. наследство. 1937. Т. 27/28. С. 506.

⁹ Блок А. 1) Собр. соч. Пб.: Алконост, 1922. Т. 1. Стихотворения. Кн. 1. 1898—1904; 2) Стихотворения. Пб.: Земля, 1918. Кн. 2 (1904—1908); 3) Стихотворения. 3-е изд., доп. Пб.: Алконост, 1921. Кн. 3. (1907—1916).

¹⁰ Орлов Вл. Указ. соч. С. 551.

¹¹ Котрелев Н. В. Александр Блок в работе над томом избранных стихотворений («Изборник», 1918) // Блок А. Изборник. М., 1989. С. 186 (первый раздел статьи написан совместно с К. М. Азадовским).

противостоит незаконченная четвертая, с одним только первым томом, заново переработанным в 1918—1920 гг.¹² создает такую текстологически сложную, неоднозначную ситуацию. Она была бы вовсе неразрешима, если бы текст второго и третьего томов «алконостовского» издания Собрания сочинений Блока не опирался на выверенную самим поэтом редакцию 1918 года. Имеющиеся в издании «Алконоста» расхождения с текстом последнего прижизненного издания блоковеды обычно объясняют погрешностями набора и корректуры, хотя полностью исключить авторское происхождение разночтений нельзя.

Именно поэтому, как сказано в текстологической заметке ко второму тому Академического собрания, «разночтения посмертного „алконостовского“ издания второго тома зафиксированы в разделе „Другие редакции и варианты“ наряду с вариантами, содержащимися в рукописях и прижизненных изданиях стихотворений Блока».¹³ Возможно, когда-нибудь будет обнаружено документальное подтверждение реального участия Блока в подготовке второго и третьего томов «алконостовского» издания или скрупулезный анализ разночтений в сопоставлении с текстами прижизненных редакций выявит явные общие закономерности в развитии блоковского художественного замысла трилогии. В отношении сплошных датировок под текстами составляющих ее стихотворений такие попытки предпринимались в академическом издании при обосновании принципов датирования во втором томе собрания.¹⁴

Строго говоря, единство в оформлении может быть достигнуто только при последовательном воплощении текстологической гипотезы, охватывающей замысел Блока в целом. В предшествующих академическому изданиям, вышедших после смерти Блока, это оформление то приближалось к «алконостовскому», то отходило от него. Точнее всего особенности четвертой редакции трилогии воспроизводились в соответствующих томах двенадцатитомного Собрания сочинений (1932—1936), выпущенных Ивановым-Разумником. Стихотворения в них печатались без спусков, соблюдались сквозные датировки, топографические и иные пометы за малым исключением совпадали с «алконостовскими», были сохранены предусмотренные Блоком для каждого раздела шмуцтитутлы.

В первом томе Полного собрания стихотворений А. Блока в двух томах, подготовленном В. Н. Орловым в 1946 году, некоторые детали оформления (в частности, сплошная нумерация текстов) были продиктованы требованиями эдиционного единообразия Большой серии «Библиотеки поэта», в рамках которой это собрание вышло. Но зависимость от двенадцатитомного собрания, а следовательно, и «алконостовского» издания тут еще очевидна. Это проявилось в заметных блоковедам особенностях текста.

В Собрании сочинений в восьми томах, первые три тома которого были выпущены в 1960 году, В. Н. Орлов, видимо в соответствии с представлениями о потребностях массового издания, печатал стихотворения по одному на странице,¹⁵ а также предпринял уточнения датировок.

¹² Там же.

¹³ Лавров А. В. О втором томе лирики Блока (Т. 2. С. 533).

¹⁴ См.: Там же. С. 531—533.

¹⁵ Кстати, инерция такого отношения к тексту трилогии отразилась даже в первоначальной Инструкции по подготовке академического издания. В начале 1980-х годов, при передаче в Москву для обсуждения на заседании редакционной коллегии первого тома, подготовленного в Блоковской группе ИРЛИ, мне как автору внутренней рецензии на него пришлось особо аргументировать мнение группы о необходимости печатать тексты трех первых томов без спусков, чтобы не нарушать единый замысел Блока.

Сверка дат была ранее уже начата Ивановым-Разумником. Прodelать эту работу было необходимо из-за ряда ошибок и опечаток в датах «алконовского» издания, но не все исправления Иванова-Разумника можно признать удачными. Вообще, именно решение вопроса о принадлежности Блоку дат под стихотворениями второго и третьего томов, хотя и не является свидетельством аутентичности всего текста, может служить косвенным подтверждением существования у поэта единого замысла четвертой редакции трилогии. До сих пор сделать однозначные выводы в этом плане относительно обоих томов не представляется возможным из-за недостаточной разработки проблемы датирования у Блока. Этим отчасти объясняются разные принципы датирования во втором и третьем томах академического издания.

Отсутствие или наличие той или иной даты под текстом при включении стихотворения в некий контекст меняет и его собственное звучание. Значение этого для восприятия как идеи самого стихотворения, так и окружающих его текстов в составе композиционного целого (цикла, сборника, книги, трилогии) — существенный, почти не изученный аспект блоковской поэтики.

Теоретически текстологами давно признано, что авторские даты являются неотъемлемой частью текста.¹⁶ Практически же проблемы датирования сводятся к возможно более точному установлению даты, выяснению всех этапов создания произведения, привязке к определенному периоду творчества, той или иной исторической эпохе. Если произведения автора имеют злободневный характер, как например у Н. А. Некрасова, аргументированное уточнение дат при подготовке академического издания рассматривается текстологами в ряду «важных общих проблем»¹⁷ изучения творчества писателя. С. А. Рейсер выделяет вопросы, связанные с переходом даты в заглавие (у М. Ю. Лермонтова, например), а также рассматривает случаи, когда неточность датировки объясняется не ошибкой памяти, а намерением автора «замаскировать (...) биографические подробности, намеки на живых людей и т. д.»¹⁸ Ученый отмечает и те ситуации (в частности, в творчестве Некрасова), когда «формально неверная дата является для писателя своеобразным литературным приемом, создает определенный образ лирического героя».¹⁹ Применительно к изданию текстов начала XX века о датировках писала, в частности, Т. В. Мисникевич в связи с текстологическим осмыслением стихотворного наследия Ф. Сологуба. Она отмечала, что проблема выбора даты «для размещения текста в хронологическом ряду возникает в том случае, когда поэт использует при публикации стихотворения в авторском сборнике дату создания ранней редакции либо дату создания какого-либо промежуточного текста»,²⁰ напрямую связывая эту задачу как с проблемой сохранения «авторских композиционных единств», так и с «установлением основного текста стихотворения».²¹

В блоковской текстологии смысловой аспект, соотносительность даты с художественным замыслом доминирует над остальными существенными про-

¹⁶ С. А. Рейсер, например, специально оговаривал необходимость воспроизведения авторской даты именно в составе текста, отмечая нецелесообразность и ненаглядность практикующегося в изданиях отнесения ее в примечания. См.: Рейсер С. А. Основы текстологии. 2-е изд. Л., 1978. С. 76—77. См. также: Минц З. Г. «Поэтика даты» и ранняя лирика Ал. Блока // Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999. С. 389.

¹⁷ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 1. С. 6.

¹⁸ Рейсер С. А. Указ. соч. С. 75.

¹⁹ Там же.

²⁰ Мисникевич Т. В. Текстологические проблемы издания стихотворного наследия Федора Сологуба / Автореф. канд. дисс. СПб., 2007. С. 28.

²¹ Там же. С. 24, 26.

блемами датирования. Вот почему так сложно при отсутствии авторских указаний определить необходимость постановки под текстом известной нам даты его написания, которая согласовывалась бы с хронологическими концепциями томов трилогии, отличавшимися в разных ее редакциях.

Текстологическая проблематика соприкасается при этом с философской и художественной трактовкой понятия времени у Блока. Эта трактовка была связана прежде всего с эсхатологическими мотивами поэзии Вл. Соловьева (обозначенными в его стихотворении 1887 года — «Бедный друг, истомил тебя путь...»: «Смерть и Время царят на земле <...> // Все, кружась, исчезает во мгле // Неподвижно лишь солнце любви»), которые отразились в раннем творчестве Блока в самом названии первого отдела сб. «Стихи о Прекрасной Даме» (1904) — «Неподвижность». В темах и поэтике блоковской лирики запечатлено также прямое соотношение с временным потоком, что проявилось, например, в обращении лирического героя к уходящему прожитому году в стихотворении «31 декабря 1900 года» («И ты, мой юный, мой печальный...»), завершающем раздел «Ante Lucem» первого тома. В поэтических произведениях Блока преломилась идея «вечного возвращения»,²² повторяемости событий. Это ярко выражено в стихотворении «Все это было, было, было...» (1909) в центральном разделе третьего тома «Разные стихотворения». В них отразилось также поступательное движение времени, что было декларировано поэтом, в частности, в предисловии 1919 года к незаконченной поэме «Возмездие» (см.: Т. 5. С. 48—51).

Не углубляясь в эту достаточно сложную проблему, укажу лишь на то, что наличие или отсутствие (сокрытие) даты под текстом по сути почти всегда имеет у Блока сюжетный аспект, вплетая события общей и частной жизни не только в контекст мировой истории, но и в контекст Вечности.²³ Поэт подчеркивал также важность порой не столько конкретных указаний на месяц и число при тексте стихотворения, сколько «обобщенной» даты, фиксирующей только год. Недаром в «Автобиографии» 1915 года он отмечал: «Каждый год моей сознательной жизни разноокрашен для меня своей особенной краской».²⁴

Отношение к датам менялось у Блока в течение жизни. Переписывая стихотворения с отдельных листов и из записных книжек в тетради беловых автографов, поэт не всегда соблюдал строгое датирование текстов. Порой он датировал тексты в тетради лишь приблизительно, например: «весна <1898>»,²⁵ что совсем не обязательно совпадало с реальным временем года. Весну поэт мог символически чувствовать, начиная с января и до середины

²² О значении в творчестве Блока концепции «вечного возвращения», восходящей к восточной философии (Веды, Упанишад), библейскому тезису (Экклезиаст) о возвращении «на круги своя», учениям греческих философов (Гераклит, Эмпедокл), воззрениям А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и др., и о преломлении этих идей в поэзии символистов см.: Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. С. 74—87, 97—98, 110.

²³ Восприятие времени у Блока, с одной стороны, согласовывается с близким ему воззрением пифагорейцев о том, что «всё есть число», с другой — может быть выражено словами современного исследователя, который, определяя принципы средневекового сакрального календаря, отмечал, что через него не только раскрывается «божественная геометрия Вселенной», но и упорядочивается и освящается «время мира», а число при этом становится космотворческой силой, высветляя из Хаоса Космос, выводя человека в вечность, озаряя светом непроглядную ночь времен (см.: Зелинский А. Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря // Контекст. 1978. Литературно-теоретические исследования. М., 1978. С. 90—91, 135).

²⁴ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 15.

²⁵ См., например, помету в первой тетради стихотворных автографов при тексте стихотворения «Ты много жил. Я больше пел...»: «Петерб(ург) весна». В «Хронологическом указателе» Блока это стихотворение, как сказано в текстологической справке, «датировано февралем—мартом 1898 г.» (Т. 1. С. 418).

лета. В «алконостовском» первом томе 1-й раздел «Стихов о Прекрасной Даме», помеченный на шмуцтитуле: «С. Петербург. Весна 1901 года», — открывается январскими и февральскими стихотворениями, а заканчивается майскими. Во втором и третьем изданиях трилогии аналогичный раздел включает к тому же стихотворение «За городом в полях весною воздух дышет...»,²⁶ написанное 12 июля 1901 года, но развивающее мистическую тему весенних «Видений».

Проводя уточнение датировок в тетрадах и «Хронологическом указателе» (последний, как отмечает Иванов-Разумник, Блок начал составлять с ноября 1913 года²⁷), поэт оставил исследователям немало загадок в виде несовпадения дат в черновых автографах, тетрадах, указателях и печатных текстах, а также текстологических проблем, связанных с наличием двойных датировок, изменением дат под текстом из-за переадресовки стихотворений и др. Какие даты следует признать наиболее точными, какие отнести к ошибкам памяти, какие рассматривать в качестве литературного приема, в том числе считать символически значимой частью текста, на эти и другие вопросы можно ответить лишь только после очень серьезного скрупулезного анализа.

На вопрос, «отражают ли сплошные датировки под текстами стихотворений, впервые появившиеся в посмертном издании 2-й книги, авторскую волю», редактор второго тома, автор вступительной заметки к нему А. В. Лавров отвечает, что в этом «сомневаться не приходится» (Т. 2. С. 531, 533). Отмечая, что предыдущие редакции трилогии были подготовлены Блоком в соответствии с едиными эдичионными принципами (Там же. С. 532), исследователь полагает, что тот же подход логично распространить и на «алконостовскую» версию. Тем более что, по его замечанию, «с годами автор придавал хронологической закреплённости конкретного поэтического текста в составе больших композиций (книги, раздела) все большее значение» (Там же).

Еще одним аргументом в пользу именно авторского происхождения уточненных дат под текстами стихотворений А. В. Лавров считает их совпадение с датами в «Хронологическом указателе» Блока. В качестве доказательства ученый приводит таблицу, где сравниваются более конкретные даты под рядом стихотворений в «алконостовском» тексте, опирающиеся на «Хронологический указатель», с датами в блоковской тетради беловых автографов. Ср.: «Она веселой невестой была...» («Июнь <1905>» — «3 июня 1905»); «Не мани меня, ты, воля...» («Лето <1905>» — «Июль 1905»); «Оставь меня в моей дали...» («Весна — осень 1905» — «Август 1905») и др. (подробнее см.: Т. 2. С. 532). Однако именно «Хронологический указатель» являлся наиболее доступным, не требующим дополнительных разысканий источником датировок для таких непрофессиональных текстологов, как Л. Д. Блок и С. М. Алянский. Причем произвести уточнение дат они могли, либо имея на это непосредственное указание поэта, либо распространив указанный Блоком в отношении первого тома «алконостовского» издания принцип сквозного датирования на два последующих тома.

Кстати, в последнем (пятом) издании первого тома со сплошными датировками, подготовленном Блоком именно для «алконостовского» собрания сочинений, он не всегда следует принципу конкретизации даты. Например,

²⁶ «дышет» — авторское написание Блока.

²⁷ Сводный «Хронологический указатель» стихотворений за 1904—1916 годы помещен Блоком в конце девятой тетради стихотворных автографов (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 99—121). Кроме того, отдельные указатели приложены и к другим тетрадам автографов.

стихотворение «Полный месяц встал над лугом...» (Т. 1. С. 14) датировано в этом издании «Июль 1898», так же как и следующее стихотворение «Моей матери» («Друг, посмотри, как в равнине небесной...»). При этом в тетради оно имеет точную дату и помету: «21 июля, Шахматово»; эта помета сохранена в «алконостовском» тексте, а дата дана более обобщенно. Казалось бы, одинаковость датировок, подчеркивающая связь со следующим текстом, предполагала повторение в целях единообразия и в нем пометы «Шахматово» при дате, тем более что в беловом автографе стихотворения «Моей матери» она имелась. Но в печатном тексте при этом стихотворении такой пометы нет. Это лишний раз доказывает, насколько трудно, а иногда практически невозможно угадать намерения поэта в плане оформления стихотворений, сопровождения их конкретными или более общими датами и пометами. Только важнейшие стихотворения во всех предшествующих пятому изданиях первого тома сопровождались датой и пометой. Например, воспринятое окружением Блока «как своеобразный манифест „младших“ символистов» (Т. 1. С. 474) стихотворение «Предчувствую тебя. Года проходят мимо...» с датой и пометой «4 июня 1901. С. Шахматово».

Обращает на себя внимание, что в основном, когда во всех прижизненных публикациях поэтом были избраны для стихотворения одинаковые даты, эти же даты повторены и во втором томе «алконостовского» Собрания сочинений, а не уточняются по «Хронологическому указателю», как в случаях, когда датировок в публикациях не было или они менялись. Например, открывающее том стихотворение «Вступление» («Ты в поля отошла без возврата...») датировалось Блоком во всех без исключения изданиях трилогии в обобщенном виде: «1905. Страстная Суббота»,²⁸ — без указания месяца и числа (16 апреля), имеющихсся в автографах (в четвертой тетради и при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 года; см.: Т. 2. С. 551) и в «Хронологическом указателе». Поэма «Ночная фиалка» («Миновали случайные дни...») во втором и третьем издании трилогии имела дату «1905—1906». Та же дата дана в «алконостовском» тексте, хотя в «Хронологическом указателе» поэма помещена среди стихотворных текстов, относящихся к маю 1906 года.

Это соответствие датировок в «алконостовском» издании датам под текстом ряда стихотворений, неизменно присутствующим в предыдущих публикациях, могло свидетельствовать об участии в подготовке издания самого поэта. Но последовательно соблюсти подтвержденную публикациями авторскую волю в отношении датирования таких стихотворений могли и те, кто издавал трилогию после его смерти. Тем более если они, как предполагает А. В. Лавров, «возможно (...) пользовались авторским рабочим экземпляром предыдущего издания» (Т. 2. С. 533). Ведь в этом экземпляре «постоянные» датировки уже наличествовали.

Технические трудности в прохождении «алконостовского» издания привели к появлению в датах второго тома ряда ошибок и опечаток. В первом же стихотворении «На перекрестке...» из открывающего том раздела «Пузыри земли» вместо правильной даты «5 мая 1904» под текстом указана

²⁸ Сложное смысловое соотношение дат и помет под текстом, указывающих на религиозные праздники, требует специального исследования. См., в частности, об этом: *Гужиева Н. В.* Церковный календарь в структуре лирической трилогии А. Блока // *Русская литература.* 2005. № 2. С. 81—93. Один из ракурсов этой темы освещался в докладе Т. В. Игошевой «„Стихи о Прекрасной Даме“ в церковно-календарном контексте». См.: *Грякалова Н. Ю., Колесникова Е. И.* Хроника Международной научно-практической конференции «Александр Блок. Современное прочтение, издание, изучение» (состоялась 21—23 ноября 2005 г.) // *Русская литература.* 2006. № 2. С. 227.

дата «5 апреля 1904». Эта ошибка могла произойти из-за возможности двусмысленного прочтения даты в «Хронологическом указателе», где стихотворение помещено в конце апрельских и чуть выше майских. Такую ошибку при наличии точной даты («5 мая» — в записной книжке № 8; «Май — Декабрь 1904» с добавлением числа «5» перед словом «Май» — в четвертой тетради беловых автографов) вряд ли мог допустить сам Блок, который, как правило, сверял даты «Хронологического указателя» со своими автографами.

Под стихотворением «На весеннем пути в теремок...», которое Блок не датировал в прижизненных публикациях, в «алконостовском» издании поставлена дата «24 апреля 1905», как в «Хронологическом указателе». В автографе (в тетради) дана двойная датировка «12—24 апреля (1905)». Ту же дату Блок приписал в рабочем экземпляре второй книги (издание 1912 года), но, судя по вышедшему затем печатному тексту, отказался от датировки (см.: Т. 2. С. 570). Не было даты и в последнем прижизненном издании; свидетельства авторизации «алконостовской» одиночной даты как части печатного текста мы не имеем.

Неоднозначная ситуация возникает при датировании четырех стихотворений, три из которых в окончательном тексте вошли в раздел «Пузыри земли» («Полюби эту вечность болот...», «Белый конь чуть ступает усталой ногой...», «Болото — глубокая впадина...»), а четвертое — «Не строй жилищ у речных излучин...» — в раздел «Разные стихотворения». В «алконостовском» издании они датированы одинаково: «3 июня 1905», хотя эта датировка не подкреплена ни одним источником текста. В четвертой тетради беловых автографов эти стихотворения были объединены Блоком нумерацией римскими цифрами (I—IV) и пометой: «4 стихотворения, написанных летом 1905 и отделанных позже» (Т. 2. С. 572). В таком составе, но в другом порядке и без дат они публиковались в разделе «Нечаянная радость» второго тома «мусажетовского» издания. Позднее в его рабочем экземпляре при трех из них (за исключением вычеркнутого стихотворения «Белый конь чуть ступает усталой ногой...») были вписаны одинаковые даты: «лето — осень 1905», но в следующих прижизненных редакциях эти датировки учтены не были.

В «Хронологическом указателе» все четыре стихотворения помещены в разделе июньских без указания числа, причем расположены они после двух стихотворений — «Влюбленность» («Королевна жила на высокой горе...») и «Она веселой невестой была...», которые датированы 3 июня. Эта конкретная дата подтверждается только черновым автографом в записной книжке № 11 стихотворения «Влюбленность» (см.: Т. 2. С. 629). В четвертой тетради автографов, где его текст переписан рукой Л. Д. Блок, дата имеет более общий характер: «Июнь (1905)». Она же вписана в рабочем экземпляре второго тома, однако, как и в других случаях, в последующие издания дата не попала. В «алконостовском» тексте число в дате под стихотворением «Влюбленность» не пропечаталось, но должна была стоять, конечно, дата из «Хронологического указателя»; она же дана в академическом издании.

Хотя мы не имеем подтверждения, что так намеревался датировать это стихотворение Блок, саму дату написания стихотворения «Влюбленность» можно считать вполне достоверной, чего нельзя сказать о перечисленных выше четырех стихотворениях из «подборки». Возможно, тот, кто готовил «алконостовское» издание, распространил имеющуюся выше в «Хронологическом указателе» дату «3 июня» и на эти тексты. Обосновать правильность такой датировки довольно сложно. В записной книжке № 10 черновые автографы и наброски указанных четырех стихотворений соседствуют очень тес-

но (см.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 330. Л. 6 об.—14), но их расположение относительно других записей в этой книжке не позволяет судить о дате возникновения замысла. Датированный черновик стихотворения «Влюбленность» находится в записной книжке № 11 (см.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 7—9), которую Блок мог заполнять одновременно с предыдущей.

Таким образом, ни подтвердить, ни опровергнуть «алконовостовскую» датировку мы не можем. Но ее присутствие в основном тексте академического издания заставляет думать о существовании внутри раздела «Пузыри земли» некоего миницикла стихотворений на важную для этого раздела «болотную» тему.²⁹ Причем объединены они были как описанными в них впечатлениями от прогулок Блока в окрестностях Шахматова и Боблова на белом коне (стихотворение «Белый конь чуть ступает усталой ногой...» сопровождается пометой «Новоселки», указывающей на деревню на пути из села Тараканово³⁰ в имение Менделеевых Боблово), так и одинаковой датой под каждым из трех следующих друг за другом стихотворений.

Неизвестно, была ли эта дата авторизована и при этом реально биографически значима для поэта или использовалась им как прием для создания мистифицированного биографического контекста. В любом случае эти стихотворения с общей датой воспринимаются в составе раздела как «странички» из дневника или из записной книжки. Недаром над текстом чернового автографа в записной книжке стихотворения «Белый конь чуть ступает усталой ногой...» Блок сделал потом биографическую помету: «Белый конь умер» (Т. 2. С. 572). Это тем более существенно, что стихотворение, как отмечено в комментарии к нему, «построенное на символах лирики Блока „первого тома“ и „мистически осмысляемых“ деталях «бобловского пейзажа», «одновременно рисует ущербность, закат мира Прекрасной Дамы» (Т. 2. С. 572—573). Особенно интересен контраст между точной «биографической» датой и образом «Вечности» (ср.: «Это Вечность Сама снизошла...» — в стихотворении «Полюби эту вечность болот...»), сочетающим евангельские и пантеистические мотивы (см.: Т. 2. С. 572).³¹

Выделяя проблемные датировки, стоит отметить некоторое противоречие, наблюдающееся в датах стихотворения «Тяжко нам было под вьюгами...». В тексте академического издания это стихотворение, как и в «алконовостовском», датируется «5 ноября 1904» (см.: Т. 2. С. 44). Та же дата указана Блоком в «Хронологическом указателе». В четвертой тетради беловых автографов стихотворение переписано Л. Д. Блок (см.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 39 об.). Даты при тексте нет, но дата «5 ноября» имеется в записанном ею же на следующем листе (Л. 40) стихотворении «Гроб невесты легкой тканью...». Оттуда дата «5 ноября» могла попасть в «Хронологический указатель», составленный Блоком много позже. При этом поэт не сопоставил вписанную им тогда дату с другим фактом, который, как сказано в текстологической справке, «позволяет датировать стихотворение не позднее

²⁹ «Поворотный» после «Стихов о Прекрасной Даме» характер этой темы сразу привлек внимание издателей и критиков. В частности, стихотворение «Полюби эту вечность болот...» было впервые опубликовано Блоком в «Понедельниках» газеты «Слово» (1906. № 18. 26 июня. С. 1) по просьбе П. Перцова дать стихи «о болотном» (см.: Т. 2. С. 572). О значении «болотной» темы для «мифологемы пути» у Блока см. во вступительной заметке Н. Ю. Грякаловой к разделу «Пузыри земли» (Т. 2. С. 554—559).

³⁰ В селе Тараканово находилась церковь, где в 1903 году поэт венчался с Л. Д. Менделеевой. Не воспоминание ли об этом навевало образы со свадебной символикой («Алой ленты Твоей надо мной полоса»), отмеченные в комментарии к стихотворению.

³¹ Подробнее о семантике цикла «Пузыри земли» см.: Грякалова Н. Ю. Природа и фольклор в цикле А. Блока «Пузыри земли» // Ал. Блок и революция 1905 года. Блоковский сборник [8]. Тарту, 1988. С. 22—30. (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 813.)

первой половины октября 1904 года» (Т. 2. С. 611). Ведь это стихотворение было послано Блоком 13 октября 1904 года В. А. Тернавцеву для так и не состоявшейся публикации в детском букваре. Отметив это обстоятельство, составители академического издания все же не сочли возможным учитывать его при постановке даты в основном тексте.

В некоторых случаях, например в стихотворении «Шли на приступ. Прямо в грудь...», «алконостовская» дата, воспроизводящая дату в «Хронологическом указателе» — «Январь 1905», расходится с более общими его датировками как в четвертой тетради автографов, где под текстом стоит дата «(Начало 1905 года)» (см. авторизованный список рукой Л. Д. Блок: Т. 2. С. 627), так и во второй книге «Собрания стихотворений» «мусагетовского» издания 1912 года, где оно публиковалось в общей годовой рубрике «1905». В данном контексте уточнение одновременно является и более явным указанием на революционные события в Петербурге в январе 1905 года, отраженные в стихотворении. Совпадало ли это с намерением Блока — неизвестно.

Иногда ошибочные датировки, встречающиеся во втором томе, изданном «Алконостом», исправить нетрудно. В частности, стихотворение «Я миновал закат багряный...» из цикла «Разные стихотворения» в «алконостовском» тексте датировано: «Январь 1908»; в основном тексте академического издания дата с опорой на авторитетные источники исправлена («Февраль 1908»). Сложнее, когда разночтения связаны со смысловым аспектом. Так, например, стихотворение «В октябре» («Открыл окно, какая хмурая...») датировано в «алконостовском» тексте: «Октябрь 1906». Та же дата дана в академическом издании, причем с мотивировкой в текстологической справке, опирающейся на семантику текста, а именно упоминание октября в заглавии стихотворения и в его второй строке (см.: Т. 2. С. 768). Однако в пятой тетради беловых автографов, а затем в рабочем экземпляре второго издания второй книги под стихотворением стоит дата: «Сентябрь 1906». В «Хронологическом указателе» оно тоже занесено в рубрику сентябрьских стихотворений. При этом стоит учесть, что даты под текстами блоковских стихотворений необязательно совпадают с их смыслом. Например, уже упоминавшееся стихотворение из первого тома «За городом в полях весною воздух дышет...», датированное 12 июля 1901 года, в третьем и четвертом изданиях тома находилось в разделе «весенних» и только в пятом, «алконостовском» издании было помещено по дате его написания во второй раздел «Стихов о Прекрасной Даме», имеющий подзаголовок «С. Шахматово. Лето и осень 1901 года». Другой пример можно привести из третьего тома трилогии. Стихотворение «На смерть младенца» («Когда под заступом холодным...») во всех прижизненных изданиях (а также в нынешнем академическом) было датировано: «Февраль 1909» — в память о новорожденном сыне Л. Д. Блок, который родился 2-го, а умер 10 февраля 1909 года. Однако в «алконостовском» третьем томе под текстом стихотворения стоит реальная дата его написания: «2 марта 1909»; подтверждения авторской воли в отношении такого датирования у нас нет.

Примеров несоответствия времени создания стихотворения с датой под текстом или же изменения Блоком датировки в сторону не уточнения, а обобщения даты немало. Это, как отмечено выше, связано с меняющимся с годами восприятием времени поэтом, что обусловило не только уже упоминавшийся сюжетный аспект датировок, но и другие особенности блоковской поэтики. Их детальное осмысление позволит не только глубже понять «движение» замысла «лирической трилогии» в целом, но и связь этих особенностей со звучанием составляющих ее томов, разделов, циклов, отдельных

стихотворений. Н. В. Котрелев, например, характеризуя первую и вторую редакции трилогии, отмечал: «Трехчленное деление „Собрания стихотворений” и „Стихотворений” 1916 г., закрепленное блоковским „каноном” (...) различало три этапа „пути” поэта, но границы между этапами были, как живая жизнь, подвижны, в пограничных областях (...) времена накладывались друг на друга».³²

В структуре третьего тома, по сравнению со вторым, временная последовательность еще менее выдержана. При этом нарушение хронологии происходит не только в первых и последних стихотворениях разделов, что, в частности, заметил тот же исследователь,³³ но и в компоновке входящих в разделы циклов («Пляски смерти», «Жизнь моего приятеля», «Черная кровь» — в разделе «Страшный мир»; «Венеция», «Флоренция» — в разделе «Итальянские стихи»; «Послания» — в разделе «Разные стихотворения» и др.). Из хронологического ряда выбиваются и некоторые отдельные стихотворения внутри разделов, например стихотворение «Вот девушка, едва развшишсь...» (15 мая 1909) в разделе «Итальянские стихи». Своеобразные «перебои» происходят иногда из-за того, что, размещая стихотворения в разделах, поэт в одних случаях учитывает дату начального, в других — последнего оформления текста.

В основе сквозных датировок в третьем томе Собрания сочинений, изданном «Алконостом» в Берлине в 1923 году, — тот же «Хронологический указатель». Мера участия Блока в подготовке этого тома неизвестна. Непонятно, насколько вообще сам принцип сплошного датирования и следования датам «Хронологического указателя» соответствует блоковской концепции третьей книги. Ведь выбор даты, особенно при наличии двойных датировок, был связан у поэта со многими причинами. Недоверие к тексту берлинского издания усиливает целый ряд имеющихся в нем грубых ошибок. Например, стихотворение «Я сегодня не помню, что было вчера...» датировано: «3 декабря 1909» вместо: «3 февраля 1909», стихотворение «На островах» («Вновь оснеженные колонны...») — «22 ноября 1909» вместо: «22 декабря 1909», «За гробом» («Божья Матерь Утоли мои печали...») — «6 августа 1908» вместо: «6 июля 1908», «Друзьям» («Друг другу мы тайно враждебны...») — «24 августа 1908» вместо: «24 июля 1908», стихотворение «Сусальный ангел» («На разукрашенную елку...») — «25 декабря 1909» вместо: «25 ноября 1909». Этот список можно продолжить.

Насколько индивидуальным был подход Блока к датам в «алконостовском» издании 1921 года, можно судить, например, по датировке стихотворения «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...». В этом «каноническом» тексте оно было датировано 1911 годом по времени появления первого наброска в записной книжке № 33 и помещено в разделе «Разные стихотворения» между текстами 1910 и 1912 годов, хотя, судя по дате в тетради, было написано в основном 6 февраля 1914 года. Дата «1911», зафиксированная Блоком в «каноническом» издании, отсылает ко времени пребывания поэта с женой во Франции летом 1911 года, когда произошло описанное в стихотворении событие: «кильватерная колонна» — боевой строй военных кораблей — вошла в порт Аберврак на Бретонском побережье. Для поэта важна была и вторая дата, указанная в отдельном черновом автографе 1914 года и в беловом автографе в восьмой тетради. Именно она дается в «Хронологическом указателе», где стихотворение помещено среди целой группы текстов, написанных 6 февраля 1914 года и связанных (до момента их окончательно-

³² Котрелев Н. В. Указ. соч. С. 228.

³³ Там же. С. 229.

го выделения в самостоятельные стихотворения) с замыслом поэмы «Возмездие». Обе даты соединяются пометами. Сначала — в записной книжке № 33 за 1911 год ниже наброска указанной строфы: «Аберврак — из последних дней. Жду Любу на дороге к Мельпомене». Затем — на полях отдельного черного автографа из папки, озаглавленной Блоком «Черновые стихи» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 1—2): «Эта бумага куплена в Абервраке! летом 1911 г.» (на л. 1); «1914 вечером 6 февр(аля) жду Любу от Анны Ивановны (Менделеевой), вернувшейся из Рима» (на л. 2) (Т. 3. С. 786). «Бумага», купленная в Абервраке, как и «пылинка» «на ноже карманном» в тексте стихотворения, возможно, была реальным толчком, побудившим поэта в 1914 году к развитию замысла 1911 года. Тем более что приведенные пометы связывают не только две даты, но и обстоятельства написания текста. Даже упоминание Рима во второй записи может ассоциироваться с образом «дальних стран» из стихотворения. Обращение в стихотворении к жене («Ты помнишь?», «Нам, детям — и тебе и мне») и упоминание в обеих пометах: «Жду Любу» — связывает два момента во времени и пространстве. «Трепетная нежность» отношений с Блоком, о которой Л. Д. Блок вспоминала позднее,³⁴ отразилась в стихотворении в мотивах «новизны», «заманчивого», «закутанного в цветной туман» мира, воспринятого с детской непосредственностью поэтом и его женой.

Выбор Блоком конкретной или обобщенной даты для стихотворений третьего тома или же отказ от датирования касается не только истории и значения отдельного текста, но и связей с трилогией в целом. Исследование датировок теснейшим образом сопряжено с глобальными темами блоковского творчества. Яркий пример тому — выяснение мотивов, которые побудили поэта не указывать в печатном тексте сакральную для него дату «8 ноября», имевшуюся в черновом автографе стихотворения «Ты так светла, как снег невинный...», написанного в 1908 году.³⁵ По сути, рассмотрение дат блоковских стихотворений почти всегда перерастает в самостоятельные сюжеты. Это также свидетельствует о семантической нагруженности датировок у Блока.

Отступление от единообразия в оформлении «лирической трилогии» явилось в Академическом собрании сочинений вынужденным. Отсутствие сплошных датировок в третьем томе объясняется не только дефектами текста берлинского издания. Исходя из представления о неделимости авторской редакции трилогии на состав и текст и не имея возможности уяснить авторскую волю в отношении имеющихся в этом издании новаций, составители не могли вмешаться в этот текст самостоятельной постановкой дат, соединяя таким образом разновременные редакции стихотворений. Именно поэтому решение, принятое Ивановым-Разумником рассматривать текст сборника «Седое утро» (Пб., 1920), где Блок поставил даты под всеми 55 вошедшими в него стихотворениями, в качестве последней авторской воли, было для составителей Академического собрания сочинений неприемлемым. Мнение Иванова-Разумника, как сказано во вступительной заметке к третьему тому, было справедливым «в отношении этих стихотворений как отдельных — автономных — произведений (можно к этому добавить: как составляющих названный сборник. — Н. Л.). Но они являются неотъемлемой частью тома как неделимого целого. Лишь в контексте тома эти стихотворения выражают авторскую волю во всей ее полноте» (Т. 3. С. 571).

³⁴ См.: Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 187.

³⁵ Этому черновому автографу посвящена отдельная работа (см. прим. 4).

Как видим, вопрос о блоковских датировках требует дальнейшей всесторонней проработки с учетом огромной проделанной в академическом издании работы по своду всех источников текста. Имея подтверждение намерения Блока подготовить для четвертой, «алконостовской» редакции трилогии пятое издание не только первого, но и второго тома,³⁶ мы не знаем, насколько оно было им воплощено. В частности, удалось ли поэту последовательно применить принцип сквозного датирования, осуществленный им в первом томе³⁷ указанного издания, к более сложным по компоновке разделам второго и третьего томов. Ведь эти тома, в основе композиции которых лежит тематический принцип, существенным образом отличаются, по словам Блока, от «однострунности» построенного «в строго хронологическом порядке» первого тома (см.: Т. 1. С. 179). Этот факт признается всеми исследователями при характеристике развития замысла блоковской трилогии.³⁸

Надо также иметь в виду, что после выхода в свет первой «мусагетовской» редакции поэт вскоре начал подготовку следующей. Следы этой работы запечатлены на листах рабочего экземпляра этого издания трилогии 1911—1912 годов (см.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 2. Ед. хр. 1—3), где, помимо уточнения состава, композиции книг, перестановки и вычеркивания отдельных стихотворений, исправлений и переработки их текста, мы видим последовательную попытку поэта датировать многие стихотворения, опираясь в большинстве случаев на даты в тетради. См., например, текстологические справки к стихотворениям «Нежный! У ласковой речки...» (Т. 2. С. 608), «Гроб невесты легкой тканью...» (Т. 2. С. 610), «Ночь» («Маг, простерт над миром брений...» — Т. 2. С. 612), «Моей матери» («Помнишь думы? Они улетели...» — Т. 2. С. 625), «Балаганчик» («Вот открыт балаганчик...» — Т. 2. С. 633), «Поэт» («Сидят у окошка с папой...» — Т. 2. С. 635), «У моря» («Стоит полукруг зари...» — Т. 2. С. 636), «Моей матери» («Тихо. И будет все тише...» — Т. 2. С. 637), «Старость мертвая бродит вокруг...» (Т. 2. С. 638), «Осенняя воля» («Выхожу я путь, открытый взорам...» — Т. 2. С. 640), «Девушка пела в церковном хоре...» (Т. 2. С. 644) и мн. др. Видимо, именно трудность задачи, при которой должен был возникнуть художественный образ текста, объединенного не только тематически, но и датами под стихотворениями, входящими в разделы, заставила Блока отказаться от этой идеи. Во всяком случае, в текстах второй и третьей редакции трилогии результаты этой работы не отразились. Даты, как подчеркивал поэт, были поставлены им лишь при отдельных стихотворениях.

Известно, что в самый последний период жизни Блок, подготавливая новую редакцию трилогии, придавал большое значение принципу документализма,³⁹ историческому и психологическому обоснованию своего рода «визионерских» творческих проявлений⁴⁰ (особенно в «Стихах о Прекрасной Даме»), стремясь в то же время объективировать и то, что интуитивно

³⁶ См. запись в последней записной книжке Блока за 1921 год: «I т(ом) — 5-е изд(ание). II т(ом) — 5-е изд(ание)» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 366. Л. 32; книжка не нумерована).

³⁷ Это было подчеркнуто Блоком в сопроводительной записке при передаче С. М. Алянскому первого тома «алконостовского» Собрания сочинений: «Даты — слева внизу петит» (Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Л., 1932. Т. 1. С. 281).

³⁸ См., например: *Котрелев Н. В.* Указ. соч. С. 229.

³⁹ О значении этого принципа в творческой эволюции Блока см., в частности: *Заблуждая А. Е.* «Автобиографический документ» в творчестве А. Блока 1918—1921 годов // *Александр Блок. Исследования и материалы.* СПб., 1998. С. 179—187.

⁴⁰ О связи проявлений авторской воли писателей-модернистов с «медиумическим» характером их творчества и концепциями, лежащими в основе их эстетических установок, см.: *Лощинская Н. В.* О своеобразии текстологической проблематики академического издания лирики А. А. Блока (к постановке вопроса). С. 74.

было воплощено в его более поздних поэтических произведениях. Причем задача объективации могла решаться как постановкой дат, так и их снятием. Проблема датировок была при этом в какой-то степени связана с ориентацией поэта на разную читательскую аудиторию при подготовке новых изданий книг.

О подобном подтексте изменения блоковских датировок Н. В. Котрелев, например, писал: «В ранних блоковских изданиях (...) датировки (...) создавали вокруг стихотворного текста биографическую среду: отсылки к опыту личности и истории, культурных перекличек и заявленных подтекстов. В 1916 г. поэт убирает все, что звучит подчеркнуто лично (и по сути дела, невнятно (...) для анонимного читателя) (...) При подготовке „Изборника“ Блок (...) старается достигнуть еще большей „объективности“ текста, еще дальше увести его от проекции на конкретную человеческую биографию».⁴¹ Правда, когда исследователь добавляет, что принципы датирования, относящиеся к «эпохе второго „мусажетовского“ издания», Блок поменял, работая над последней прижизненной редакцией трилогии для издательства «Земля» и восстанавливая «не только „строфы и строки“, но и даты»,⁴² неясно, какие даты имеются в виду. В цитированной записи поэта от 22 июля 1918 года из записной книжки № 56⁴³ о датах не говорится.

Можно заметить, что отдельные даты, которые поэт все-таки внес в третью редакцию, «объективировали» текст «привязками» не только к общезначимым событиям, но и к личному опыту, который в контексте «трилогии вочеловечения» тоже становился частью истории. В свое время Л. Я. Гинзбург, указывая на тот факт, что «самосознание Блока (...) выходило за пределы собственной „частной“ личности», уточняла при этом: «...нельзя „сквозь магический кристалл“ (...) предугадать свою эмпирическую судьбу; но можно ее различать как судьбу эпохальную, судьбу современного человека».⁴⁴ «Драматическая последовательность жизни» (Т. 2. С. 216), о которой Блок писал в предисловии к сб. «Земля в снегу» (М., 1908), определяла не только реальное развитие замысла трилогии, влияя на композицию томов (особенно второго и третьего), на тематику и состав их разделов, хронологическую последовательность (а также отступления от нее), но и датировку входящих в них стихотворений.

Недаром завершающее третью книгу в первой «мусажетовской» редакции трилогии (1912) стихотворение «Благословляю все, что было...» имело там дату и помету «Январь 1912. С.-Петербург». В последней редакции, будучи помещено в середине центрального раздела тома («Разные стихотворения»), оно было помечено только годом («1912»). И, соответственно, уже не звучало как последнее слово поэта о своем пути, а провозглашало «приятие драматизма жизни, верность изначальным идеалам, открытость будущему» (Т. 3. С. 788). Стихотворение, которое в момент появления чернового наброска в записной книжке № 32 Блок сопровождал пометой «К „Исходу“ 1911», а в беловом автографе в седьмой тетради обозначил точной датой «15 января 1912», ко времени создания третьей редакции трилогии (1918), куда поэт вносил исправления почти до самой смерти,⁴⁵ символизировало для него целый период

⁴¹ Котрелев Н. В. Указ. соч. С. 213.

⁴² Там же. С. 244.

⁴³ См.: Блок А. Записные книжки 1901—1920. М., 1965. С. 417.

⁴⁴ Гинзбург Л. О лирике. М.; Л., 1964. С. 271.

⁴⁵ Об этом, в частности, свидетельствует телефонный разговор Блока с К. И. Чуковским об исправлении текста третьего тома, зафиксированный Чуковским в дневниковой записи от 12 января 1921 года, где он приводит слова поэта «...ваши советы помню (...) Даты поставлю» (Чуковский К. Дневник 1901—1929. М., 1991. С. 156). Стоит отметить, что речь, вероятно, идет

жизни, вбираемый обобщенной датой «1912». Эта дата одновременно была отсылкой к «тому „кругу чувств и мыслей”», которому поэт, по его словам, «„был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни” (Предисловие к «Собранию стихотворений», 1911)» (Там же).

В данной статье нет возможности остановиться на проблемах орфографии, пунктуации, строфики, в оформлении которых также четко прослеживается воля автора, а варьирование их определенным образом влияет на семантику поэтических текстов.⁴⁶ Причем по мере развития замысла трилогии от одной редакции к другой выявляются определенные закономерности в этой области.

Текстологическая проблематика четвертого тома существенно отличается от той, которая сопутствовала изданию первых трех. Это происходит потому, что четвертый том оказался очень разнородным и пестрым по составу и степень выраженности авторской воли в отношении вошедших в него текстов зависит в первую очередь от того, публиковались они автором или нет. Характерно также, что и в академическом издании оказалось невозможным отступить от традиции, принятой в блоковедении со времени двенадцатитомного собрания сочинений поэта, готовившегося Ивановым-Разумником в начале 1930-х годов, — помещать в двух первых разделах четвертого тома сборники юношеских стихотворений («Отроческие стихи» и «За гранью прошлых дней»), которые Блок составил в самом конце жизни. Это обстоятельство связано с важной текстологической проблемой, которая неоднократно затрагивалась в ходе «круглого стола» на международной конференции «Евгений Замятин и культура XX века». В частности, А. В. Лавров, говоря об издании модернистских стихотворных текстов, отмечал, что «в поэтической культуре XX века именно книга стихотворений — главная категория; это не случайная контаминация самостоятельных произведений, а сформированное автором единство, претендующее [...] на внутреннюю художественную цельность и структурную организованность».⁴⁷ О необходимости корректировки эдиционной практики высказывалась на той же конференции О. А. Кузнецова, предложившая принять «за единицу текстологического исследования и отдельный авторский сборник тоже».⁴⁸

Во вступительной заметке к четвертому тому рассматривается все, что связано с установлением воли автора в отношении завершенных стихотворных текстов, не вошедших в основное собрание. В ней классифицируются проблемы, связанные как с определением состава и структуры тома, так и с выбором основного текста входящих в него стихотворений.⁴⁹

Наиболее сложным в текстологическом отношении, особенно в плане уяснения авторской воли, является раздел «Незавершенные стихотворения и наброски», открывающий одиннадцатый том Академического собрания.

Корпус незаконченных стихотворных текстов Блока (а их около 260), на первый взгляд, вполне очерчен. Многие — пусть в усеченном, неточном

о достаточно обобщенных датировках, поставленных Блоком под текстом большинства стихотворений, входящих в раздел «Родина» в «каноническом» третьем издании третьего тома (Пб.: Алконост, 1921), которое хотя и вышло после смерти поэта, но было полностью им подготовлено. Подобной информацией в отношении более детализированных сплошных датировок в третьем томе Собрания сочинений (Берлин: Алконост, 1923) мы не располагаем.

⁴⁶ См., например: *Быстров В. Н.* К вопросу об основном тексте первого тома «лирической трилогии» Блока. С. 60—72. О некоторых особенностях блоковской пунктуации и орфографии см. также: *Лощинская Н. В.* [О трудностях академического издания поэзии модернистов] Международная научная конференция «Евгений Замятин и культура XX века». С. 450—452.

⁴⁷ Международная научная конференция «Евгений Замятин и культура XX века». С. 444.

⁴⁸ Там же. С. 450.

⁴⁹ См.: *Лощинская Н. В.* Вступительная заметка к разделу «Комментарии» (Т. 4. С. 378—394).

виде — публиковались ранее П. Н. Медведевым, Ивановым-Разумником, В. Н. Орловым.⁵⁰

В процессе подготовки академического издания выявление незаконченной части поэтического наследия Блока исподволь стало проводиться составителями при работе над томами лирики и записных книжек. Уже на тех стадиях было необходимо вычлениить среди обширных черновых материалов, что относится к завершенным замыслам, а что так и осталось в набросках. Результаты этих исследований в отношении вариантов законченных стихотворений представлены в разделах «Другие редакции и варианты» уже опубликованных первых четырех томов Академического собрания. Но принятые в них в целом мотивированные и оправданные решения не исключают возможность взглянуть на приведенные в этих разделах черновики под другим углом зрения и увидеть в некоторых из них потенциально самостоятельные незаконченные тексты. Ведь некоторые замыслы поэта иногда столь трансформировались, что некоторые черновики законченных текстов могут восприниматься как неразвитые лирические сюжеты. В пример можно привести посвященное Л. А. Дельмас стихотворение 1914 года «Я помню нежность ваших плеч...». Оно помещено в четвертом томе. Предварительный набросок к нему из блоковской записной книжки № 42:

Печален жизни длинный свиток,
Все в душу мне глядится ночь.
Дай красоты твоей избыток
Мне, юга пламенная дочь
(Т. 4. С. 368), —

столь отличается от окончательного текста, что может восприниматься как самостоятельный неразвитый сюжет, который перекликается с мотивами иных законченных стихотворений поэта.

Другой случай связан со стихотворением «Дали слепы, дни безгневны» 1904 года из первого тома. В его пространных черновиках Иванов-Разумник выделяет два наброска, которые можно расценить и как отдельные незаконченные тексты.⁵¹ Один — «И на башне колокольной // Вспоминай твои гаданья» — помещен в начале черновика в блоковской записной книжке № 7 (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 26. См.: Т. 1. С. 368). Другой — «Исполинский карлик тянет // Руки к лунному серпу» — в конце наброска в записной книжке поэта № 8 (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 328. Л. 15. См.: Т. 1. С. 369). Оба могут быть отнесены к стихотворению «Дали слепы, дни безгневны» по близости расположения к его черновикам в обеих записных книжках поэта и по единству размера. Однако сюжетно-тематически они связаны с ним только предположительно.

Интересная текстологическая ситуация возникает в связи со стихотворением «На ржавых петлях открываю ставни» (1902). В записной книжке № 1 через 2 страницы после наброска и сформированного чернового автографа этого стихотворения в самом верху листа записано двустишие: «Для странных жребиев судьбы // Рожден задумчивый мечтатель»⁵² (ИРЛИ.

⁵⁰ См.: Блок А. Неизданные стихотворения. 1897—1919 / Ред. и примеч. П. Медведева. Л., 1926; Записные книжки Ал. Блока. 1901—1919 / Ред., предисл. и примеч. П. Медведева. Л., 1930; Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Т. 4 (том подготовлен Ивановым-Разумником); Блок А. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Вступ. ст., ред. и примеч. В. Орлова. М.; Л., 1946. Т. 2.

⁵¹ Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. С. 383.

⁵² Там же. С. 356 (см. один из десяти раритетных экземпляров 1-го тома с примечаниями Иванова-Разумника, хранящийся в настоящее время в библиотеке ИРЛИ).

Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 321. Л. 27 об.). Иванов-Разумник указывал на образно-тематическую перекличку этого двестишья с началом третьей строфы упомянутого чернового автографа: «Я буду бодр, задумчивый мечтатель, // У изголовья в тайной ворожбе» (см.: Т. 1. С. 535). Но при этом сам Иванов-Разумник помещает двестишие в подготовленном им четвертом томе Собрания сочинений в двенадцати томах 1932 года в разделе незавершенных текстов. Такая вариативность интерпретации допустима и по отношению к ряду других черновых автографов.

Большая часть незаконченного поэтического наследия Блока в разделе «Незавершенные стихотворения и наброски» находится в составе записных книжек поэта и потому должна быть представлена в соответствующих томах академического издания. Но в них эти тексты имеют принципиально иной статус, нежели в разделе «Незавершенные стихотворения» в одиннадцатом томе. Ведь эдиционная проблематика записных книжек во многом обусловлена их жанровым своеобразием. Это — некий «пратекст» лирики, прозы и драматургии Блока, где видно, как зарождаются сюжеты, мотивы, образы и, перетекая из одного наброска в другой, образуют неповторимое органическое единство творчества Блока. Поэтому в записных книжках нет необходимости объяснять внутреннюю связь отдельных незаконченных набросков. Перекличка сюжетов, мотивов, образов, тем очевидна в них для внимательного читателя и так. Тексты приводятся в порядке расположения, как записывал и разделял их сам Блок — чертами, косыми крестиками, виньетками, рисунками. Незаконченные стихотворные тексты отделяют друг от друга также даты, топографические пометы, прозаические вкрапления, рефлексивные записи поэта по ходу набросков.

Приведу пример из блоковской записной книжки № 1 (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 321), где на л. 34 в верхней части помещен незаконченный набросок: «Может быть и во сне уж не будет...». Под этой строкой находится отделенная скобкой запись, датированная 23 июля: «Пели мужики». Еще ниже сделана позднейшая приписка: «Вот это я и описал в 1921 г. в „Ни снах, ни яви“; С тех пор все прахом пошло». И читатель сам может разгадывать, есть ли связь между ранней верхней записью о сне и поздней нижней припиской. На развороте следующих листов (л. 34 об.—35) также имеется ряд перекликающихся между собой набросков. В верхней части листа строка: «Кто это понял и кто это знал». А ниже, после отчеркивания, трехстишие:

Бог знает, может быть, и ты не поняла
Бессонную игру блестящего крыла
На этой быстрине, на этой стали водной.

Судя по виньетке, помете и дате под текстом: «Иванов день. 24 июня», это трехстишие, возможно, и не предполагало продолжения. А на соседнем листе было набросано четверостишие:

Когда смыкаешь ты ресницы,
Твоя душа себе берет
Прекрасный образ белой птицы
И в нем взрезает глади вод.

В вариантах к этому четверостишию проходит образ белой чайки, который повторяется через несколько страниц в наброске: «Замерла береговая песня // В стоне чайки белоснежный зов». Все приведенные отрывки должны

войти в раздел «Незаконченные стихотворения и наброски» одиннадцатого тома. От того, какие из этих строчек будут выделены в качестве отдельных набросков, а какие связаны в общий замысел, зависит их перечень в оглавлении этого тома, а это, соответственно, может либо уменьшить, либо увеличить количество незаконченных текстов в составе академического издания. Это касается также набросков, извлеченных из дневников Блока. Например, в его дневнике 1901—1902 годов (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 311. Л. 41 об.) есть выразительный замысел триптиха:

Были *утренние сумерки
Сегодня в *ночь железной полосой
Уходишь ты...
Был *вечер безначально ясный

Записи отделены друг от друга косыми крестами, и под последней из них дана внизу страницы общая дата: «22 мая <1902>». Слова «утренние», «ночь», «вечер» в этой зарисовке отмечены Блоком крестиками и подчеркнуты двумя чертами. Видимо, указанная таким образом Блоком соотносительность строк позволила Иванову-Разумнику в четвертом томе подготовленного им двенадцатитомного Собрания сочинений А. Блока дать в оглавлении раздела незаконченных стихотворений только первую строку. Этим исследователь подчеркнул единство замысла. Но не менее логично в этом случае внести в реестр набросков каждую из трех строк как заглавия задуманных, но не написанных стихотворений. При такой вариантности осмысления и возможности разных способов подачи незаконченных текстов становится ясно, почему даже при основательной проработке материала однозначности в составе раздела одиннадцатого тома «Незаконченные стихотворения и наброски» быть не может. Суть проблемы в самой природе мирозерцания Блока, идейно-эстетических особенностях его творчества.

«Жизнь без начала и конца», вопреки императивным установкам в прологе к поэме «Возмездие» («Но ты, художник, твердо веруй // В начала и концы. Ты знай, // Где стерегут нас ад и рай»), стихийно проявлялась и в незавершаемости поэтических замыслов. Парадоксально — поэт, всю жизнь стремившийся к синтезу, к целостному символическому осмыслению пути, к итоговой выстроенности результатов своего труда, оставил нас, по его же словам, «перед грудой материала», в которой, как признавался, «терялся»⁵³ сам. Но если сложно установить волю Блока в отношении публиковавшихся им текстов, то для остальных это можно сделать порой только гипотетически.

Особенности модернистской эстетики и поэтики, характерная для Блока зашифрованность лирического текста, включение его в «сверхконтекст», переключки мотивов и тем, автоцитация, использование повторяющихся образных символов и «клише» и др. затрудняют интерпретацию и вычленение незавершенных авторских замыслов, осложняют выработку четких критериев законченности текста. С этим составители столкнулись и при подготовке четвертого тома академического издания, куда вошли стихотворения, не включенные Блоком в так называемое основное собрание. Некоторые тексты не только не публиковались самим поэтом, но и не были занесены им в тетради беловых автографов, что затрудняет уяснение воли автора. В каждом таком случае вопрос о степени завершенности текста приходится ре-

⁵³ См.: Блок А. Предисловие (набросок) к предполагавшемуся новому изданию первого тома (Т. 1. С. 181).

шать индивидуально. Зыбкость критериев наглядно проявилась и в том, что автографы, содержащие связный, без пропусков, текст, имеющие лирический сюжет, рифмовку, тем или иным образом оформленные в единое целое, предыдущими публикаторами помещались то в разделе «Завершенное», то в разделе «Набросков».

В качестве примера приведу стихотворение «Мои грехи тяжеле бед...». Оно было записано Блоком в записной книжке № 6 (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 19—23 об.; см.: Т. 1. С. 368) в двух редакциях, датированных 17 и 18 июля 1903 года. Первая сопровождалась пометой «За месяц до свадьбы», вторая — «Post lucem» (см.: Т. 4. С. 580). Так помечал Блок стихотворения, написанные после свидания с Л. Д. Менделеевой. П. Н. Медведев помещает стихотворение среди незаконченных, а Иванов-Разумник первую редакцию дает в разделе «Разные стихотворения», а вторую редакцию, варианты к ней и позднейшую переработку 1905 года размещает в разных местах раздела «Незаконченное» по хронологии. Для того чтобы связать этот важный для Блока замысел воедино, соотнести обе редакции, дать все многочисленные варианты, составители академического издания, вслед за В. Н. Орловым, решили поместить стихотворение среди законченных текстов в четвертом томе (см.: Т. 4. С. 181; варианты — С. 332—335). Хотя позднейшая попытка Блока переработать две строфы в ином размере, сопроводив их в записной книжке № 11 пометой «старое» (см.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 49 об.), может косвенно свидетельствовать о неудовлетворенности поэта предыдущими редакциями. И это отчасти объясняет, почему текст не был перебелен им в тетрадь.

А ведь именно занесение Блоком стихотворения в тетрадь беловых автографов является наиболее веским подтверждением его завершенности. Но это не препятствовало поэту делать позднее переработки текста, записывать на полях новые строфы. Например, в пятой тетради при тексте белового автографа стихотворения «Незнакомка» («По вечерам над ресторанами...») (апрель 1906) были вписаны незаконченные наброски с пометой: «варианты к „Незнакомке“». В дальнейшем Блок доработал их, отметив там же: «дописано в 1911 году — при составл(ении) II изд. „Неч(аянной) Радости“», и поместил во второй том лирики в качестве стихотворения «Там дамы щеголяют модами...», варьирующего мотивы «Незнакомки» (см.: Т. 2. С. 765). Но если бы этот набросок так и остался только на полях предыдущего текста, мы сами не могли бы выделить его в качестве самостоятельного замысла.

Для текстов, помещенных на отдельных листах и в записных книжках, определять степень законченности еще сложнее. Как уже было показано на примере записных книжек, реконструировать незавершенный блоковский замысел и разделить черновики на отдельные наброски можно только предположительно. Это трудно сделать даже в отношении законченных стихотворений, поскольку поэт мог объединять и разъединять подобные наброски в самых разнообразных комбинациях. В частности, в записной книжке № 14 (за сентябрь — октябрь 1906) имеется ряд набросков с датой «28 сентября», где развиваются те же темы, что и в «Незнакомке». Думается, однозначно связывать их вслед за Ивановым-Разумником (см. об этом в текстологической справке к стихотворению: Т. 2. С. 759) именно с этим стихотворением не стоит. Ведь строчки наброска — «Вот встала надо мной — и вижу», «Лицо густой вуалью скрыто // Шуршат медлительно шелка», «И чуть придерживая платье // Перчаткой стянута рука» — можно рассматривать в качестве разработки образов не только «Незнакомки», но и стихотворения «Там дамы щеголяют модами...». Можно также воспринять их как наброски еще одного стихотворения на ту же тему, тем более что тут на

мечаются мотивы не ресторанной, а уличной встречи («Она подходит ближе — ближе... // Как тускло светят фонари —», «Под фонарем сгустились тени»). В зависимости от интерпретации эти наброски будут включены или нет в состав раздела незавершенных стихотворений.

Возникающая из-за такой двойственности вариативность решений в целом ряде случаев делает очевидной некоторую условность «реестра» незаконченного в стихотворном наследии Блока как по количеству отрывков, так и по их названиям.

Проблемные аспекты в трактовке и подаче блоковских стихотворений не заслоняют того бесспорного, что есть в новаторском текстологическом осмыслении всего корпуса лирики. Результат этой работы воплотился в уже вышедших томах Полного собрания сочинений и писем А. А. Блока. Однако из частных до конца не изученных деталей текста, из общего «симфонического плана» «трилогии вочеловечения» (от «апофатического» предрассветного сумрака «*Ante Lucem*» до сквозящего «мирами иными» «ухода во тьму» в завершающем разделе «О чем поет ветер»⁵⁴), из поэтического «молчания» Блока в его последние годы, из нерасшифрованности по сути ряда стихотворных замыслов и набросков, из смысловых нюансов блоковской лирики складывается картина не разгаданного полностью творчества поэта, открытого и стихиям жизни, и вечности. Отразившись в структуре академического издания, эта картина побуждает к дальнейшей текстологической проработке материала, к прояснению насколько доступно воли автора в отношении спорных моментов при публикации его поэтического наследия. В конечном счете — к поиску того недостижимого «идеального текста» (при современном взгляде на проблему, — возможно, парадигмы текстов), который, по наблюдению С. А. Рейсера,⁵⁵ всегда остается мощным двигателем в развитии текстологической науки.

В этой науке важно все, что касается творческого наследия писателя. Незначительные, на первый взгляд, особенности построения издания, состав томов, расположение стихотворений влияют на целостное восприятие блоковской лирики. В частности, это касается даже того, где помещено, например, в издании стихотворение «Пушкинскому Дому» («Имя Пушкинского Дома...», 5 февраля 1921). Прозвучавшая в его концовке тема «ухода в ночную тьму» перекликается с финалом «лирической трилогии». По смыслу оно явилось своего рода «завещанием» потомкам, вбирая в себя некоторые ключевые темы его творчества.⁵⁶ В четвертом томе двенадцатитомного Собрания сочинений, подготовленном Ивановым-Разумником в 1932 году, этот текст завершает раздел законченных стихотворений и действительно звучит как завещание поэта. От места стихотворения в Академическом собрании сочинений зависит в какой-то мере представленная в издании концепция конечного периода блоковского творчества. В пятом томе оно предпоследнее в рубрике законченных стихотворений. Последним же в академической версии оказалось стихотворение «К. И. Чуковскому» («Как всегда, были смешаны чувства...», 15 марта 1921). Это восьмистишие было написано Блоком «на случай» в альбом по просьбе Чуковского, который таким образом хотел отвлечь поэта от «нудного доклада одного красноречия»

⁵⁴ О семантике кольцевой композиции трилогии лирики см. во вступительной заметке А. В. Лаврова к разделу «О чем поет ветер» (1913): Т. 3. С. 970. Там же дается отсылка к трактовкам Д. Е. Максимова и З. Г. Минц (см.: *Максимов Д. Е.* Поэзия и проза А. Блока. 2-е изд. Л., 1981. С. 142; *Минц З. Г.* Лирика Александра Блока. Тарту, 1975. Вып. 4. С. 164).

⁵⁵ См.: *Рейсер С. А.* Указ. соч. С. 13.

⁵⁶ Об этом см., в частности: *Лошницкая Н. В.* Александр Блок и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 25.

(Т. 5. С. 98, 498) на заседании коллегии издательства «Всемирная литература». Это обстоятельство определило шуточный характер стихотворения. Непонятно в упомянутом выше четвертом томе Иванов-Разумник поместил его текст в рубрике «Шуточные стихотворения».

Этот стихотворный экспромт насыщен реалиями послереволюционной поры,⁵⁷ уподобляясь кратким заметкам в записной книжке или же представляя своего рода «окошко» в жизнь Петрограда в марте 1921 года. Но за иронической зарисовкой нового быта («среди приемной советской, // Где „все могут быть сожжены“») анахронизмом сквозят черты уходящей старорежимной России («Смех, и брови, и говор светский // Этой древней Рюриковны»). Ностальгические нотки, едва ощутимые в экспромте («Как всегда, были смешаны чувства»), несколько смягчают контраст между его шуточно-иронической интонацией и пафосным звучанием предыдущего стихотворения «Пушкинскому Дому», обращенного к «грядущим векам».

Существенно то, что Блок в экспромте не доходит до сарказма, оставаясь в рамках романтической иронии, столь характерной для символистского мироощущения. Этот факт, как и решение поэта печатать последнюю редакцию третьей книги «Стихотворений», завершающей «лирическую трилогию», только в «наиболее близком по духу к символической школе» (Т. 3. С. 568) издательстве «Алконост» (вопреки всем препонам со стороны Государственного издательства в лице руководившего им И. И. Ионов), тоже есть осознанный акт творческой воли писателя.

В пятом томе нынешнего издания в эпиглоф раздела «Стихотворения» вынесены немногие (более ранние) стихотворные наброски, которые Блок пытался доработать в дневнике 1917—1919 годов, но так и оставил незавершенными (см.: Т. 5. С. 99—101, 499—501). Такое построение раздела было связано с изначальным редакторским планом академического издания. В соответствии с ним пятый том, подготовку которого взяли на себя сотрудники Блоковской группы Института мировой литературы РАН, должен был включить поэмы и лирику Блока революционной поры, в том числе незаконченные стихотворения. В какой-то мере это делалось из конъюнктурных соображений, чтобы опровергнуть тезис, для советской идеологии неприемлемый, о поэтическом молчании Блока после поэм «Двенадцать» и «Скифы». Априорное, казалось бы, идеологически заданное решение в процессе текстологической и историко-литературной разработки материала было подкреплено реальными мотивировками, включающими, как сказано во вступительной заметке, «теоретико-текстологические, аксиологические и чисто эдичионные соображения» (Т. 5. С. 296).

В результате составители пришли к выводу: «Исходные <...> основания, которые позволяют поставить вопрос о выделении оригинальной поэзии Блока 1917—1921 гг., достаточно четки. <...> Блок и сам <...> считал началом новой и особой полосы своего творческого пути именно 1917 год <...> внутри созданного в 1917—1921 гг. автор не производил никакого отсева <...> В силу этого и издатель не имеет оснований для подобного решения: стихотворения этих лет не являются частью либо завершением „не вклю-

⁵⁷ Эти реалии точно определимы по датам и месту действия, что отмечено в комментариях к тексту (см.: Т. 5. С. 498—499). В них указано, что «Кронштадт палил» во время мятежа с 28 февраля по 18 марта 1921 года; на Дворцовую площадь Блок с Чуковским шли из «лавки Дома Искусства» в марте. Встреча с дочерью анархиста, князя П. А. Кропоткина («древней Рюриковной»), произошла, по свидетельству Чуковского, накануне написания стихотворения в альбом. Даже текст объявления на стене приемной Управления Петроградского Губисполкома сохранился в архиве Чуковского. Известен точный адрес этого Управления (Дворцовая площадь, д. 6).

ченных в основное собрание”, ибо это „основное собрание” доходит лишь до 1916 г. Они составляют в наследии Блока совершенно особый раздел — и хронологически, и стадияльно, и ценностно» (Т. 5. С. 295, 298).

В задачу статьи не входит детальное обсуждение избранных в пятом томе текстологических принципов и способов подачи материала. Отмечу только неоднозначность решения включить незаконченные стихотворения в основной текст тома, выделив при этом варианты к ним, которые помещены в разделе «Другие редакции и варианты». К тому же некоторые из приведенных в томе стихотворных набросков («На белой льдине — моржий клык...», «К стене приемного покоя // Носилки прислонил», «Ты не получишь ничего, // Но быть дала ты обещанье // Хозяйкой дома моего»), которые были извлечены из дневника революционной и послереволюционной поры, все-таки в первую очередь относятся к предыдущему периоду блоковского творчества, являясь частью тех более ранних записных книжек, откуда эти наброски были переписаны в дневник. Но такая в чем-то проблематичная подача материала в пятом томе Академического собрания сочинений Блока неожиданно оказалась в целом символична. Незавершенные, шуточные, альбомные стихотворения, вошедшие в этот том, своей недосказанностью, установкой на доработку, вместе с прилагаемыми тут же материалами к незавершенной поэме «Возмездие», создают некую двойственную профетическую перспективу,⁵⁸ разрывая сознательно замыкаемое Блоком в дореволюционной лирике кольцо смыслов,⁵⁹ всю мифопоэтическую утопическую конструкцию, каковую представляла из себя трилогия, в реальную, непредсказуемую «жизнь без начала и конца».

⁵⁸ О «профетическом характере» поэзии символистов (особенно Блока), чувствовавших, что с концом старой «должна возникнуть новая Россия, еще неизвестная», писал Н. А. Бердяев в книге «Русская идея» (см.: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 247). Ср. мнение современного полемиста И. Чубарова о двойственности мировосприятия Блока в послереволюционный период. Со ссылкой на «Эстетические фрагменты» Г. Г. Шпета критик пишет о несоответствии «между профетизмом „Двенадцати” и иронией Блока над старым бытом и старой сущностью России, которую будто бы нельзя переплавить никакой революцией...» (Чубаров И. Образы революции у А. Белого и А. Блока. Символ, аффект и мазохизм // Новое литературное обозрение. 2004. № 65. С. 133). Между тем концепция самого Шпета побуждает к дискуссии, особенно в плане его трактовки смены культур. Гротескно заостряя проблему, Шпет утверждает, что не Блок, а Белый, перестав быть «символистом» и обратившись к реальности, смог воспроизвести революционную «новую действительность», и это явилось основой возрождения искусства и культуры. При этом философ упрощает не только позицию Блока, но и суть «старой» «иллюзионистской», по его мнению, христианской культуры, породившей, как он пишет, романтическую иронию у символистов (см.: Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 367—379). Однако для Блока в христианстве более всего была важна именно «наука трезвения», способность реально воспринимать духовную сущность явлений (см. об этом, в частности: Ильюнина Л. А. Круг чтения А. Блока 1910-х гг. (Блок и «Добролюбие») // Христианство и русская культура. СПб., 1996. Сб. 2. С. 334—343).

⁵⁹ Ср. реплику Блока в варианте Предисловия к Собранию стихотворений (М.: Мусaget, 1911—1912): «Круг сомкнут» (Т. 1. С. 381).